

АКТЕРЫ И РОЛИ

ПОИСКИ
ИСТИНЫ

За время нынешних свердловских гастролей Челябинской драмы мы видели его пламенным Маяковским в «Конармии», честолюбивым царевичем Дмитрием в исторической драме «Царь Юрий», блестящим дворянином Люсиндо в «Изобретательной влюбленной», много переделавшим «бывшим» немцем Стивеном в спектакле «Жаркое лето в Берлине». Эффектная внешность, подвижный сценический темперамент, отточенная отделка каждой позы, фразы, детали — таким запомнился Ефим Байковский в большинстве спектаклей гастрольного репертуара. И вдруг — роль Петра Артамонова в инсценировке известного горьковского романа — сугубо «бытовая», лежащая явно вне плана привычного для актера амплуа.

Байковский и здесь демонстрирует мастерство лепки образа, умение пользоваться сценической деталью, характерными, точно найденными жестом и интонацией. Они, эти штрихи, из которых складывается наше представление об изображаемом персонаже, в роли Петра важны особенно: ведь задача артиста — показать почти весь путь человеческой жизни, сложную диалектику образа на этом долгом пути.

И все-таки в инсценировке горьковского романа артист подкупает не столько этим, сколько глубиной и интересной общей концепцией образа, вынесенным на суд зрителей трепетным и как-то очень современно звучащим раздумьем над жизнью.

Актер каждую минуту отлично знает, зачем он выходит на сцену. Мы обратили внимание на Петра с самого первого

эпизода, когда перед нами выстроились прослушать строгое родительское наставление сыновья преуспевающего дельца Ильи Артамонова. Запомнили эту высокую словно чуть пригнутую фигуру, этот взгляд — угрюмый, недоверчивый, слегка исподлобья. Мы наблюдали его — покорного, послушного чужой воле в сцене свадьбы и не могли не согласиться со словами Ильи: «В Петре задору нет...».

Действительно, нет задору. Даже став после смерти отца хозяином предприятия, Петр не проявляет особой энергии в управлении им: «Не наше бы это дело — фабрика. Нам бы податься в степи, купить земли...»

И все-таки нет, причины внутреннего недовольства Петра куда серьезнее. В чем они? На выяснение этого, главного, по его мнению, вопроса, и направляет свое внимание актер, соединяя эту проблему с другой, еще более важной, — в чем цель и смысл человеческого существования.

В спектакле челябинцев Петр не выглядит слабОВОЛЬНОЙ, ничтожной личностью. Он честно пытается верить в правду, завещанную отцом, и не его вина, что на поверку правда эта оказывается такой мелкой и лживой. Она не дает человеку крыльев, с правдой такой не взлететь.

Виртуозно, с глубоким волнующим драматизмом проводит актер финальную сцену первого акта. Издергался, измучился Петр. Он, крупный промышленник, «хозяин», на которого трудятся и от которого зависят сотни людей, все более обнаруживает, что в сущности ничего не понимает в окружающей жизни, не знает, во имя чего она, не может уловить ее связей и справиться с ней. Одна неприятность, — мелкая, недостойная человека, — сменяет другую. Одна беда следует за другой. Все тягостнее, унизительнее стычки с женой; сын выходит из повиновения; брат Алексей то и дело показывает волчьи зубы; все знающий и видящий Тихон не в меру разговаривался. А он, Петр, мечется в этом фатальном кругу — нелепо, смешно, не зная дороги.

Где правда, где выход из тупика? Он еще пробует повторять слышанную от отца и взятую на вооружение Алексеем истину насчет корысти, которая одна — цель жизни каждого человека. Повторять с упрямым упорством (что еще остается!), хотя чувствует, что его собственное существование — наглядное доказательство какой-то неуловимой ложности подобной цели.

В постепенном прозрении, понимании этого —

истоки бунта Петра, тщетно пытающегося найти выход. В этом — истоки его скитаний в поисках правды. Принципиально значительные, узловые моменты роли наполнены у Байковского высокой трагедийной силой. Разрыв с сыном, нашедшем свою, отличную от отцовской, правду в жизни, сцены в монастыре и на нижегородской ярмарке... «Сирота-душа» Петра исходит отчаянием и болью, исторгая покаянное признание в совершенных по неразумию тяжких грехах.

«Как жить, как жить?» — словно молит кого-то откликнуться Петр. Но нет ответа на эти вопли души. Никто не отзывается на звон колокольчика, в который с отчаянием звонит и звонит в конец обезумевший Петр в пустом гостиничном номере.

Второй акт — кульминация роли. Третий — итог мучительного пути, углубление и дальнейшее развитие образа. Дороги внутренних поисков и здравый природный ум заставляют Петра не только по достоинству оценить своих милых «родственников», поразительно ловко приспособляющихся к быстро меняющейся политической конъюнктуре, но и сделать следующий шаг — произнести пророческие слова о сыне: «Вот вернется Илья — он вам покажет!».

— Я всю жизнь работал! — подытоживая пройденный путь, еще и еще пробует внутренне оправдаться умирающий Петр.

— Ради копейки работал, ради мелких целей копил. — правильно оценивает его жалобы зритель.

Незаурядные душевные силы Петра оказались потрачены зря. Жизнь его, лишенная радости, прошла бесследно, впустую.

Стоит ли говорить: вряд ли был смысл принимать к постановке инсценировку «Дело Артамоновых», если иметь в виду лишь ее познавательное значение. Театр (режиссер спектакля М. Лотарев) выбрал единственно правильный вариант — поставил на материале романа вопрос непреходящей, волнующей ценности: во имя чего должен жить человек? Вот почему трагический и мятежный образ Петра, а не судьба артамоновского «дела», приобрел в спектакле главенствующее значение, а удача артиста Байковского представляется особенно принципиальной и важной.

Ю. МАТАФОНОВА.

На снимке: Е. БАЙКОВСКИЙ в роли Петра Артамонова.

Фото И. Пашкевича.

